Акад. В. Струве

Б. Б. Пиотровский, „История и культура Урарту“

Издание Академии Наук Армянской ССР. 1944.

(стр. XII+364, табл. XVI, карта)

Б. Б. Пиотровский сделал ценный вклад в историю Древнего Мира и в историю народов СССР, для которой урартское царство, оказавшее столь мощное воздействие на наше Закавказье, представляет весьма большой интерес. Несмотря на это, наша советская историография еще до сих пор, к сожалению, не богата трудами, посвященными истории и культуре Урарту.

Правда, автору принадлежит несомненная и большая заслуга издания еще в 1939 г. книги „Урарту, Древнейшее государство Закавказья“ (изд. Госуд. Эрмитажа, Л-д), в которой он дал краткий, но содержательный очерк истории и культуры государства, бывшего долгое время грозным врагом великого ассирийского царства. Уже эта небольшая книга свидетельствует об обширных и глубоких познаниях автора в археологии и истории Закавказья и соседних областей Кавказа и Ближнего Востока.

Она поэтому получила очень положительную оценку в обстоятельной рецензии Е. И. Крупнова на страницах „Вестника древней истории“ (1940, № 2711, стр. 139 сл.). Рецензент, отдавая должное и знаниям и исследовательскому таланту автора, высказывает все же сожаление: „автор не дал никакого аппарата и даже не указал минимума литературы к каждой главе“ (у. с., стр. 142).

В своем новом труде Б. Б. Пиотровский полностью выполнил пожелание рецензента своей предшествующей книги, посвященной древней истории Закавказья. Если мы в монографии 1939 г. находим лишь краткий очерк исследования памятников, являющихся основными источниками по истории Урарту, то в последнем труде автора мы имеем две обстоятельные главы, посвященные описанию постепенного углубления европейской науки в историю Ванского царства и характеристике источников истории Ванского царства.

В главе „История изучения Ванского царства“ дан детальный и исчерпывающий историографический очерк литературы по обследованию памятников, по истории и культуре Урарту, начиная с первых десятилетий XIX в. вплоть до самых последних лет. Автором использована как зарубежная литература, так и наша советская. Особо сле-

дует отметить, что автор смог привлечь и те статьи и исследования, которые армянские ученые, изучающие древнейший период своей родной страны, писали на армянском языке.

Таким образом уже I глава создает полную уверенность в том, что большой труд Б. Б. Пиотровского, являющийся ныне основным трудом по истории и культуре Урарту, отражает в полной мере все достижения современных научных знаний. Вряд ли кто-нибудь из специалистов по истории Древнего Востока мог бы прибавить что-нибудь существенное к историографическому материалу, приведенному автором.

Так, мои замечания к этой ответственной главе ограничиваются лишь двумя следующими несущественными добавлениями. Обзор блестящих археологических открытий в области Ассирии надо было бы завершить указанием на открытие Куюнджикского архива, пролившего, как это доказал сам автор, столь яркий свет на историю Ванского царства. В примечании на стр. 12 надо указать, что в *Revue d'Assyriologie* был напечатан М. Церетели ряд статей, озаглавленных *Etudes ourartiennes*, а не только одна на стр. 117—141 т. XXXIII (1936) названного журнала.

В главе „Источники изучения Ванского царства“ мы имеем адекватную характеристику источников всех родов, которые в той или другой степени могли бы пролить свет на историю и культуру Урарту. Автор, конечно, прав, когда он объявляет (стр. 23) „основным ориентирующим источником изучения древнего Ванского царства“ ассирийские памятники. Опираясь на свидетельство ассирийских надписей, автор устанавливает абсолютную хронологию правления урартских царей (стр. 36—38). С прекращением ассирийских надписей в конце VII в. установленная автором датировка последних царей Урарту, правивших в последние годы существования Ассирийского царства и после падения ассирийской державы, приобретает несколько условный характер. Поэтому новые археологические открытия могут принести в этом отношении много неожиданного. Вместе с тем мы должны согласиться с автором, что „при современных знаниях приведенная [им] таблица представляется наиболее правдоподобной“ (стр. 38).

Эта глава вызывает лишь несколько мелких замечаний. Желательно отметить, на стр. 24, находку в Топрах-кале единственной пока клинописной глиняной таблечки. Надо указать на стр. 26, что при расшифровке топонимических названий урартских надписей сопоставление древних названий со средневековыми или современными может дать положительный результат лишь при определении локализуемой страны еще путем изучения самого текста. На стр. 30 желательно дать наряду с русской транскрипцией и греческий оригинал названия озера Ван Страбоном (IX, 522) *Βολιτις*. Я полагаю, что праобразом легендарной царицы Шамирам, о которой повествует Моисей Хоренский, не является ассирийская царица Шамурамат, современница урарт-

ского царя Менуи, сына Ишпуины (810—781), как утверждает автор (стр. 34, 68, 143). Несомненно мы имеем в легенде о царице Шамирам не только отзвук деяний ассирийской царицы Шамурамат, но и наследие древних мифов Урарту и соседних областей Передней Азии и Закавказья.

Продолжением главы, посвященной источникам изучения Урарту, являются по существу главы IX—„Раскопки в Ване“ и X—„Раскопки крепости на Кармир-блуре“. Эти две названные главы дают обстоятельное описание результатов тех раскопок, которые по свое время были произведены пока лишь в двух пунктах территории древнего Урартского царства. Одним из этих пунктов был Ван, где находилась в древности столица царства Урарту—город Тушпа, и автор в своей IX главе знакомит нас с археологическим изучением и Ванской скалы и высот Топрах-кале, начиная с работ так трагически погибшего молодого французского ученого Шульца и кончая Русской Археологической экспедицией 1916 г., руководимой Н. Я. Марром. Яркое описание посвящено открытию тогда, в 1916 г., на северном склоне Ванской скалы И. А. Орбели громадной каменной стелы, содержавшей анналы царя Сардура, сына Аргишти, одну из самых значительных и по объему и по содержанию урартских надписей.

Если IX глава была посвящена истории археологического изучения самого центра Ванского царства, то X глава дает описание раскопок, произведенных на далекой северной окраине его. Для глубоко научно-исследовательского труда эта глава о раскопках крепости на Кармир-блуре, холме у Еревана, имеет особенно большое значение. Дело в том, что в этих раскопках, произведенных совместной археологической экспедицией Государственного Эрмитажа, Комитета охраны исторических памятников Армении и Армянского филиала Академии Наук СССР с 1939 вплоть до 26 июня 1941 г., сам Б. Б. Пиотровский играл весьма существенную роль. Он в течение трех археологических кампаний руководил работами экспедиции Эрмитажа и участвовал в выработке единого плана, согласно которому названные три учреждения вели раскопки. Б. Б., один из лучших знатоков древнего Закавказья, обладающий, несмотря на свои молодые годы, многолетним стажем археологической полевой работы, был прекрасно подготовлен к решению той ответственной задачи, которая стояла перед ним.

Автор сам подчеркивает, что необходимость раскопок крепости на Кармир-блуре обусловили „прекрасная сохранность крепости, ненарушенность основного культурного слоя и полное отсутствие в некоторых частях более поздних остатков, перекрывающих урартские“ (стр. 158). Он и его товарищи по экспедиции полностью оправдали то большое доверие, которое им было оказано, и раскопки городища на Кармир-блуре были произведены в подлинном смысле слова *lege artis*, того искусства, основы которого были созданы Н. Я. Марром, Б. В. Фармаковским и другими крупнейшими учеными нашей родины. Поэто-

му уже раскопки 1939—1941 г.г., которые только начали исследование Кармир-блур, всесторонне обогатили наши знания истории и культуры Урарту и его закавказских владений. Исследование большого здания на западном холме послужило основой для адекватной реконструкции фасада здания, созданной диссертантом. Эта реконструкция (стр. 162), доказывает наличие в раскопанном дворце-крепости далекого Закавказья основных принципов древней переднеазиатской архитектуры. Раскопки здания на восточном холме сделали также наше понятие об урартском строительном искусстве более ясным и четким.

Следуя своему великому учителю Н. Я. Марру, Б. Б. Пиотровский интересовался не только величественным дворцом исследуемого им древнего поселения, но и скромными жилищами народа, создателя основы жизни и благополучия обитателей дворцов. С такой же тщательностью, как и дворец на западном холме, был раскопан экспедицией Эрмитажа целый ряд небольших, прямоугольных в плане, жилищ, ютившихся у фасада западной стены дворца. Удел и этих скромных домиков, крытых ветками и прутьями, был тождественным судьбе пышного дворца: и домики и дворец погибли при внезапном нападении свирепых врагов, предавших их самих огню, а обитателей их мечу.

Среди предметов, найденных в помещениях дворца, мы имеем прекрасные образцы урартского искусства, значение которых было по достоинству определено и оценено самим же Б. Б., открывшим их для науки. Заслуживают внимания два больших декоративных щита из бронзы, фрагменты которых были найдены при более ранних раскопках. Очень удачно сопоставляет автор эти щиты дворца на Кармир-блуре со щитами, украшавшими храм в Мусасире, который был разрушен ассирийским царем Саргоном II в 714 г. Щиты Мусасирского храма „блестели ослепительно“, согласно свидетельству победной надписи ассирийского царя. Был раскопан и декоративный колчан из бронзы, украшенный восьмью полосами с изображениями конных воинов и боевых колесниц. Автор несомненно прав, когда он утверждает (стр. 166), что этот колчан существенно дополняет наши сведения по военной технике Урарту. В частности колесницы урартского войска были до сих пор известны по клинописным текстам и по оттиску одной печати сравнительно плохой сохранности.

Очень интересным свидетелем религиозного синкретизма является одна из урартских печатей, найденная в восточном дворце. На ней можно различить знак бога Ашура—крылатый солнечный диск. Очевидно, и бог Халд, глава пантеона Урарту, почитался, подобно Ахурамазде Ахеменидов, в образе ассирийского бога Ашура. В том же восточном дворце был найден другой прекрасный образец урартского искусства — бронзовая статуэтка божества, вооруженного булавой и топором. Автор с полным правом определяет статуэтку, как изображение бога войны Тейшебы (стр. 172).

Находки, сделанные в небольших жилищах около западного дворца, знакомят нас с экономикой, ремесленным производством и бытом населения этой части Урартского царства.

Из того факта, что здесь было найдено большое количество зерна (просо, ячмень, пшеница), автор вполне правильно заключает, «что в этой урартской крепости отчетливо наблюдается преобладание земледелия перед скотоводством» (стр. 181). На основании данных, добытых при раскопках, диссертант делает весьма вероятным факт изготовления пива из проса и даже самый процесс приготовления этого пива (стр. 180). Он устанавливает также наличие виноградников и с большим остроумием определяет одно сооружение, открытое при раскопках, как относящееся к виноделию (стр. 182). Автор находит указания на знакомство населения со льном и с пряжей из шерсти (стр. 180—181). Он же дает очень ценную характеристику многочисленной и чрезвычайно разнообразной керамике, найденной при раскопках Кармир-блур. При раскопках установлены многочисленные образцы металлургического ремесла. Автор подчеркивает, что среди этих металлических предметов преобладают железные (стр. 185). Устанавливая большую близость железных предметов, найденных в могильниках Закавказья, с урартскими при наличии существенных отличий между бронзовыми изделиями Закавказья и Урарту, Б. Б. Пиотровский приходит к важнейшему выводу, что «в Закавказье железо распространилось под влиянием урартов» (стр. 186).

Письменных памятников на Кармир-блуре найдено, правда, очень немного, но зато они представляют большой интерес. Весьма замечательная надпись была обнаружена на бронзовой подвеске (стр. 171), хранившейся вместе с другими мелкими предметами в берестяной коробочке. Последняя была обнаружена в одной из центральных комнат западного дворца. После очистки выступили на подвеске следы пятистрочной клинописной надписи. Первым знаком является идеограмма, соответствующая понятию «закливание». Эта идеограмма, часто встречающаяся в ассирийских текстах, впервые встречается в надписи, найденной в пределах Урартского царства. Можно, пожалуй, предположить, что надпись и не является урартской, а ассирийской. К сожалению, она сохранилась слишком плохо, чтобы решить данный вопрос, но и при таком своем состоянии эта подвеска имеет первостепенный научный интерес. Не меньший интерес имеют клейма с урартскими иероглифическими знаками на сосудах, найденных и в западном дворце и в жилищах народа около дворца (стр. 183). Этот новый иероглифический материал из Кармир-блур подкрепляет предположение автора, высказанное им еще в 1939 г. в книге «Урарту, Древнейшее государство Закавказья», о наличии и в Ванском государстве своего местного иероглифического письма.

В заключение обзора памятников, подаренных раскопками на Кармир-блуре, автор останавливается на большом количестве бронзовых стрел скифского типа, которые по условиям своей находки,

очевидно, принадлежали врагам, разрушившим крепость на Кармир-блуре (стр. 182). Из этого следует, что стрелки в войске, осаждавшем крепость урартского наместника на Кармир-блуре, были вооружены скифскими стрелами.

Детальный анализ содержания X главы труда Б. Б. Пиотровского выявил все богатство нового исторического материала, который был добыт его раскопками крепости на Кармир-блуре. Мы видим, таким образом, что автор создал не только ценное исследование по истории культуры Урарту, но вместе с тем открыл и освоил часть тех источников, на которых зиждется его исследование. Вообще вся совокупность глав труда Б. Б., посвященных истории изучения и источникам изучения Ванского царства, свидетельствует и о широте и глубине его знаний и об его умении выявлять и строить новые исторические факты. Поэтому не удивительно, что он смог представить в виде диссертации этот труд по истории и культуре Урарту, который, несмотря на широту поставленной темы, является подлинным исследованием.

Основная часть труда Б. Б. Пиотровского распадается на три части: на историю Урарту, на очерк культуры Урарту и на историю Закавказья в период господства Урарту. обстоятельному изложению связной истории Урартского царства посвящено шесть глав. „Древнейшие сведения и образование государства“, „Походы Салманасара III против Урарту“, „Урарту в конце IX в. и в первой половине VIII в.“, „Урарту во второй половине VIII в.“, „Поход Саргона против Урарту в 714 г.“ и, наконец, „Последний период истории Урарту“.

Переходя к разбору каждой из этих глав, я должен отметить, что в первой из них, трактующей о древнейших сведениях и образовании государства, автор поражает своим умением следить за новейшими достижениями такой чрезвычайно разветвленной востоковедной дисциплины, как ассириология. Автор отвергает (стр. 42), на основании последних ассириологических работ, старое чтение названия одного из пунктов, завоеванных ассирийским царем Тиглатпаласаром I — „Урартинаш“, которое сопоставлялось раньше, со всеми вытекающими отсюда выводами, с „Урарту“. Вместе с тем он отвергает и положение о том, что Урарту первоначально находилось в юго-западной части Армянского нагорья.

Вообще заслуживает внимания мастерство, с которым автор, опираясь на лаконичные свидетельства ассирийских надписей, восстанавливает древнейшую историю Урарту, лишенную еще надписей своих царей. Необходимо также отметить, что автор умеет столь же образцово, как свидетельства ассирийских надписей, использовать и интерпретировать изображения ассирийских рельефов. Яркий пример умения „читать“ изобразительный материал мы находим на стр. 45. На основании изображений на рельефах знаменитых Балаватских ворот некоторые крупные исследователи делали чрезвычайно ответственный вывод о существовании среди урартов двух различных типов, одно-

го низкорослого, а другого высокорослого. Автор полностью отвергает этот вывод указанием на то, что он проистекает „из явного непонимания основных принципов ассирийского искусства, в котором вся композиция вписывается в строго ограниченную полосу и размер фигур оказывается определен их положением в композиции“.

По отношению к этой главе о древнейшей истории Урарту я имею лишь одно замечание, правда, принципиального значения. Автор в своем увлечении полемикой с теорией Леманн-Гаупта о миграции урартов с запада отрицает всякую возможность генетической связи урартов с народами Средиземноморья (стр. 49). Я полагаю, что примеры вполне допустимых сопоставлений имен собственных и географических урартов и прочих хурритских народов с соответствующими элементами ономастики и топонимики Средиземноморья, собранные Кречмером, Бляйхштейнером, Эйслером и другими учеными, слишком многочисленны, чтобы быть случайными. По моему глубокому убеждению, они блестяще подтверждают положение Н. Я. Марра о значении третьего этнического элемента, т. е. народов, говорящих на яфетических языках, для древнейшей истории Передней Азии и Средиземноморья.

Следующая, IV глава повествует о походах воинственного Салманасара III, сына свирепого Ашурнасирапала II, против Урарту. На основе вдумчивого изучения надписей названного царя, а также рельефных изображений на уже упомянутых Балаватских воротах, дана здесь яркая картина ужасов грабительских походов ассирийцев на своего северного соседа. Дано детальное описание военной техники и ассирийцев и урартов. Для более точного определения вооружения урартов автор очень удачно сопоставляет данные Геродота (VII, 79) о вооружении алародиев со свидетельством ассирийских текстов и изображениями вооружений урартов (стр. 57, прим. 1).

И в этой главе, как и в дальнейшем (ср., напр., стр. 96 сл. локализацию стран Цовинарской надписи Русы I), заслуживает всяческого одобрения искусство автора, с которым он определяет местоположение тех или иных географических пунктов, которые упоминаются в урартских или ассирийских надписях. Так, в разбираемой главе разрешен долгий спор о локализации Арзашку, „царского города Арама урартского“ (стр. 56—58). Замечательную помощь историку Древнего Востока окажет приложенная к главе карта, отмечающая маршруты походов Салманасара III в Урарту.

То же мастерство, что и при решении вопросов локализации, диссертант проявляет и при решении вопросов хронологии, весьма сложных как раз для периода истории Урарту, трактуемого в этой главе. Ему удастся с полной убедительностью опровергнуть предложенный Леманн-Гауптом порядок следования древнейших известных нам урартских царей (стр. 62—63) и доказать правильности последовательности правлений этих царей, установленной во II главе (стр. 36—38). В связи с этим вопросом о следовании древнейших, нам

известных царей Урарту, автор делает чрезвычайно важный исторический вывод, „что в середине IX в. Урарту, входившее в коалицию стран Наири, заняло главенствующее положение среди других политических образований в районе озера Ван“ (стр. 63). По отношению к этой главе у меня лично нет никаких замечаний.

Глава „Урарту в конце IX в. и в первой половине VIII в.“ повествует о том периоде истории Урарту, когда имеет место интенсивный рост Ванского государства и значительное расширение его территории. Это было время, когда урартские войска грозили уничтожить Ассирийскую державу. Автор с большой тщательностью устанавливает основные маршруты урартских походов и приводит все известные нам данные о численности войск царей Урарту, что представляет большой интерес для историка.

Чрезвычайно ярко, содержательно и всесторонне изложена история правления царя Менуи, вступившего на престол около 810 г. и открывшего период наивысшего могущества Ванского царства. От Менуи дошла до нас 101 клинописная надпись, т. е. больше половины всех известных нам урартских надписей. Среди них имеются несколько десятков надписей, посвященных строительным работам и работам по проводке каналов. Поэтому автор смог выявить во всей конкретности строительную деятельность Менуи, а также его заботы об ирригации своего государства (стр. 67 сл.). Определяя состав территории Урарту времени царствования Менуи, автор по вполне понятным причинам останавливается на мероприятиях царя в Закавказье. Особенно тщательному анализу подвергнут эпиграфический материал, найденный в Ташбуруне. Надписи Ташбуруна свидетельствуют о стремлении Менуи создать мощный опорный пункт для закрепления своего господства над Ереванской долиной.

Так же ярко, как царствование Менуи, изложены и события правления достойного сына и преемника Менуи—великого воителя Аргишти (778—750 гг.), сделавшего своими победоносными походами Урарту самым мощным государством Передней Азии. Царь Аргишти оставил нам в так называемой Хорхорской надписи, высеченной на Ванской скале, замечательный источник для изучения истории роста могущества Ванского царства в годы его правления. Максимально используя эти анналы, автор освещает в полной мере завоевания и походы Аргишти на запад, к Средиземноморью, на юг, против Ассирийской державы, и на север, в области Закавказья. Вполне естественно, что автор особенное внимание уделяет мероприятиям Аргишти по укреплению урартской власти в Закавказье. Они засвидетельствованы 12 надписями, найденными на территории Армянской ССР. Одним из последствий дальнейшего продвижения Урарту на север в результате победоносных походов Аргишти было перенесение главного опорного пункта урартского владычества из Ташбуруна на холм современного селения Армавир. Крепость была названа в честь Аргишти „Аргиштихиинли“.

Автор останавливается не только на военных подвигах Аргишти, но находит в надписях его свидетельства о заботах царя по созданию ирригационной системы и разведения виноградников и садов в районе Армавира. Отметив сооружения царем Аргишти в районе Армавира храма богу Халду, Б. Б. Пиотровский вместе с тем отвергает предположение М. В. Никольского, что урартский религиозный культ Армавира восходит еще к до-ванскому периоду Урарту. М. В. Никольский свое предположение обосновывал переводом одной фразы, встречающейся как в армавирских надписях Аргишти, так и в других урартских надписях: «Дворец разрушенный я восстановил, обстроил». На основании тщательного филологического анализа автор совершенно бесспорно доказал ошибочность перевода М. В. Никольского и предлагает свой оригинальный перевод, совершенно противоположный старому, а именно «крепость мощную я построил» (стр. 74—75).

Этот приведенный мною пример исправления Б. Б. Пиотровским перевода, предложенного крупнейшим филологом, как М. В. Никольский, свидетельствует о высоком уровне филологических знаний автора в области урартоведения. Подобные примеры весьма многочисленны в рецензируемом мною труде. Лишь на основе правильной интерпретации клинописных надписей Аргишти автор смог в конце разбираемой главы точно локализовать отдельные географические пункты Закавказья, упоминаемые в указанных надписях, и тем самым положить основу научной карты Закавказья в эпоху Урартского владычества.

Глава, посвященная наиболее славному периоду истории Урарту, заслуживает таким образом во всех отношениях определению — высокой оценки. У меня лично имеется лишь два небольших пожелания. Я бы рекомендовал обстоятельное разъяснение «страны Шура», упоминаемой много раз в титулатуре царей Урарту, данное на стр. 86, перенести уже на стр. 66, где в первый раз приводится название страны Шура. Я считал бы также желательным дать разъяснение археологического термина «подъемный», встречающегося на стр. 76 и 78.

Положительную же оценку нельзя не дать и обширной главе «Урарту во второй половине VIII в.», посвященной истории царствования Сардура, сына Аргишти, и его войнам с реорганизатором Ассирийской державы, Тиглатпаласаром. Здесь же дана и краткая характеристика урартского государства.

Автор обстоятельно останавливается на труднейшем вопросе о последовательности частей аннал Сардура, увековеченных на вышеупомянутой громадной стеле, открытой на северном склоне Ванской скалы в 1916 году И. А. Орбели. Как известно, здесь имеются две ниши, из которых восточная оказалась пустой, и лишь западная сохранила Сардуром воздвигнутую стелу.

Поскольку на стеле, открытой в 1916 г., нет описаний походов Сардура на Ассирию, то вполне закономерно предположение автора о том, что они были увековечены на стеле восточной ниши. Фрагмен-

ты ее сохранились, очевидно, в виде обломка большой стелы, в надписи на котором упоминаются между прочим победы Сардура над ассирийским царем Ашурнирари, сыном Ададнирари (стр. 90). Автор уточняет время событий, описанных на стеле западной ниши, определяя их годами, предшествующими победоносным походам Тиглатпаласара III, начавшимся в 743 г. (стр. 89—90). Автор дает исчерпывающий анализ содержания анналов Сардура, сохранившихся на стеле западной ниши. Они дают громадный материал по походам Сардура в Закавказье и поэтому начало разбираемой главы является в особенности ценным, как изложение истории областей Закавказья в первые годы правления Сардура. Поскольку победы над Ассирией в этой стеле не были упомянуты, то вполне естественно предположение автора, что ассирийцы, уничтожившие, очевидно, восточную стелу, посвященную триумфу Урарту над Ассирийской державой, оставили без всякого внимания западную стелу.

К изложению войн начала правления Сардура и походов на Урарту ассирийского царя Тиглатпаласара III примыкает краткая характеристика Ванского царства.

В этом разделе своего труда автор доказал, что он не только прекрасный археолог и филолог, но и историк-марксист. Он отказался от неправильного определения общества Урарту, как общества феодального, и подчеркивает вполне закономерно, что „в Урарту, как во всяком ранне-классовом обществе, рабство имело большое значение“. Вместе с тем он должен, будучи осторожным и точным исследователем, подчеркнуть, что доступные нам „источники не дают возможности выявить специфику урартского рабовладения“ (стр. 93). Автор свободен от болезни немарксистской историографии и не модернизирует древнее общество. Он указывает на то, что „Урарту не представляло собой этнического и культурного единства, и его окраины по своей культуре существенно отличались от центральной части“ (стр. 94). Данной особенностью, которая является общей для всех древне-восточных государственных образований, автор вполне правильно объясняет непрочность Урартского государства, которая выявляется после побед Тиглатпаласара III в царствование преемника и сына Сардура—Русы.

Я вполне согласен с автором, когда он отвергает предположение Туро-Данжена и Лемани-Гаупта, что Руса не был сыном своего предшественника, Сардура, а явился узурпатором, основателем новой династии (стр. 95). Один из основных доводов для своего предположения оба названные исследователя видели в надписи статуи Русы в Мусасирском храме, засвидетельствованном ассирийским текстом о VIII походе Саргона: „С моими двумя конями и моим возничим, моими руками завоевал я царство Урарту“. Лемани-Гаупт сопоставлял ее с Геродотовской легендой о Дарии, согласно которой Дарий получил царскую власть с помощью своего коня. Я полагаю, что надпись Русы отнюдь не уполномочивает на чреватый вывод об узурпа-

ции Русой царской власти. Вместе с тем, я вполне согласен с мнением автора, что это указывает „вовсе не на узурпацию власти, а на восстановление Урарту, на собирание отпавших от него при временном ослаблении государственной власти областей“ (стр. 96).

К аргументации автора я хочу указать еще на один любопытный факт, на который в этой связи еще никто не указывал, а именно на какую то связь между содержанием указанной надписи Русы, царя Урарту, и поэмой о героическом подвиге Рамсеса II, царя Египта, в битве с хеттами при Кадеше. В египетском тексте также повествуется о том, что египетский царь на своей колеснице, запряженной двумя конями, названными по имени, и со своим колесничим и силой своих могучих рук прорвал кольцо окружавших его вражеских колесниц и спас себя от гибели и сохранил, отвоевал себе тем самым свое царство. Надо полагать, что и Русе пришлось пережить в своей, полной боевыми подвигами, жизни подобный же эпизод. Несомненно, на оформление описания героического деяния Рамсеса II в битве при Кадеше повлиял древний миф о борьбе бога солнца, разбивающего на своей колеснице силы мрака. Поскольку в колесницу впряжены кони, ставшие известными в Передней Азии лишь во II тысячелетии, то становится вероятным предположение, что этот вариант мифа о борьбе бога света с мраком восходит к Средней Азии. Я также уверен, что в дни Русы его подвиг, столь лаконично переданный в надписи на мусасирской статуе, был восхвален столь же пространно и многословно, что и подвиг царя Египта Рамсеса в битве с хеттами, западными соседями Урарту.

Относительно богатого содержания разбираемой главы „Урартское государство во второй половине VIII в.“ я имею лишь следующие замечания. На стр. 85 следует указать, что имя царя страны Куммух—„Кушташпи“ соответствует известному иранскому имени Вишташпа—Вистаспу, имени отца Дария I.

Я полагаю, что страна „Бабилу“, упоминаемая в анналах Аргишти и его сына Сардура, соответствует „Бабилу“ Вавилонских надписей. Здесь „Бабилу“, конечно, обозначает не город Вавилон, а область Вавилонского государства. Походы Аргишти и Сардура настолько расшатали мощь Ассирийской державы, что вечный противник Ассирии—Вавилонское государство— могло захватить область у своего северного соседа и тем самым ввести свои пограничные области в орбиту походов Аргишти и Сардура. „Бабиру“ (т. е. „Бабилу“) и в Бехистунской надписи Дария I означает и „Вавилон“ и „Вавилонию“. На основании сказанного я и не могу согласиться с мнением автора, „что более прав Сэйс, сопоставлявший Бабилу клинописного текста с Бабирса Страбона, около Артаксаты“ (стр. 85). Бабирса Страбона (XI, 529) все же не „Бабилу“ урартских текстов.

Считаю необходимым, чтобы и в кратком очерке общества Урарту было указано на то, что тысячи военнопленных рабов, захваченных в походах Менуи, Аргишти, Сардура, сделали возможной грандиоз-

ную строительную деятельность этих царей, которую так рельефно представил в своем труде автор.

Глава, трактующая поход Саргона против Урарту в 714 г., является наиболее замечательной в этой прекрасной диссертации.

Автор не ограничивается здесь пересказом большой луврской таблетки, изданной Тюрю-Данженом в 1912 г., и сопоставлением ее с изображениями на стенах XIII зала дворца Саргона.

Автор впервые в науке раскрыл на основании таблеток Куюнджикского архива ту большую разведочную работу, которую вели в Урарту осведомители ассирийского царя, подготавливавшего свой поход 714 г. Правда, на эти письма Куюнджикского архива, касающиеся взаимоотношений Ассирии с Урарту, обратил внимание еще в 1913 году американский ассириолог Олмстэд, но он сильно обесценил свои наблюдения тем обстоятельством, что датировал их временем не ранее 710 г. К датировке Олмстэда примкнули многие историки Древнего Востока, но автору удалось с полной убедительностью доказать, что значительная часть писем Куюнджикского архива, относящаяся к Урарту, должна быть датирована именно временем борьбы Саргона с урартским царем Русой (стр. 105, с ссылкой на статью самого автора „Урартское государство во второй половине VIII в.“. Вестник древней истории, 1939, № 1). Таким образом Куюнджикские письма об Урарту приобретают сугубый интерес. Наследник Саргона, Синахериб, составлял сводки донесений подчиненных ему осведомителей. Из этих сводок и отдельных донесений мы узнаем о восстании в Урарту, как на окраинах, так и в центре. Автор несомненно прав, когда он видит одну из причин этих смут в борьбе правителей отдельных областей между собой и с царем. Имеется даже сообщение о самой столице государства—Тушпе (стр. 111). Другой причиной, по мнению автора, было страшное поражение урартского царя Русы в стране киммерийцев, о котором сообщили Саргону и Синахериб и несколько осведомителей. Таким образом, хорошо поставленное дело разведки дало возможность Саргону установить, что его борьба с северным соседом будет сильно облегчена и внутренними неурядицами в Урарту, а также борьбой его с племенами киммерийцев.

Автору принадлежит несомненно большая заслуга сенсационного открытия в аппарате древне-восточного государства широко разветвленной шпионской организации, которая своей информацией о внутреннем положении во вражеском государстве создавала условия для успешного ведения войны. Описание победоносного похода 714 г. Саргона против Урарту, которое дает автор (начиная со стр. 115), служит прекрасной иллюстрацией того значения, которое может иметь точная разведка для последующих победоносных действий армии. В своем изложении событий 714 г. автор уточняет маршрут похода Саргона и местоположение Мусасира, священного города Ванского и Урмийского.

В этой главе, столь богатой ценными наблюдениями, меня сму-

щает лишь заявление автора, высказанное им на стр. 111, что особую опасность для государств Передней Азии киммеры стали представлять несколько позже, а именно, в первой половине VII в., но не в конце VIII в., в момент знаменитого похода Саргона. Я думаю, что автор неправ, и ассирийцы могли опустошить и разгромить области и города Урарту и его союзников лишь потому, что одновременно с ассирийской армией царю Ванского государства, Русе, приходилось отражать грозную киммеро-скифскую опасность. Невозможность отразить двух врагов, ассирийцев и киммерийцев, угроза возникновения в виду этого новых внутренних смут и заставили Русу покончить жизнь самоубийством.

Последний период истории Урарту после смерти Русы в 714 г. нашел свое отражение в VIII главе книги. Автор с полным основанием подчеркивает тот замечательный факт, что катастрофа 714 г. не смогла сломить окончательно силу сопротивления Урарту, и оно сохранило свою государственность еще на 120—130 лет, пережив даже мощную ассирийскую державу. Автор не только указывает на этот факт, но и пытается его объяснить. Для объяснения он привлекает один из запросов Асархаддона к богу Шамашу, в котором ассирийский царь спрашивает бога о возможности успеха замыслов Урсы (Русы), правителя Урарту (этот Руса является сыном и преемником Аргишти, преемника и сына Русы, покончившего с собой в 714 г., его поэтому и называют Русой II), и киммерийцев и о том, двинутся ли урарты и киммерийцы походом на страну Шуприа.

Среди писем Куянджикского архива, относящихся ко времени после 714 г., а именно в письме одного из осведомителей Асархаддону, автор находит любопытное указание на организацию наблюдения в странах Урарту, Мана и Мидии. Автор несомненно прав, когда он все эти указания ассирийских текстов не считает случайными (стр. 131). Долголетние, кровопролитные войны между Урарту и киммерийскими племенами сменились мирными отношениями (стр. 133). Мощь этих варваров укрепила и силу сопротивляемости Ванского царства и его способность залечить мирным трудом страшные раны, нанесенные войнами конца VIII в.

Автор отмечает на основании свидетельства урартских надписей VII в., а также и археологического материала, интенсивность строительства последних правителей Ванского царства как в самом Урарту, так и в Закавказье. Вместе с некоторыми другими учеными он называет Русу II «реставратором Ванского царства». Свидетельства надписей Русы II о больших строительных работах на севере его государства, в частности в Закавказье, дают ему право на это почетное название. Автор подчеркивает состояние мира, которое царило между Урарту и Ассирией, согласно ассирийским надписям (стр. 134). Вместе с тем он не забывает отметить походы Русы II на запад—восточную часть Малой Азии и в северную Сирию, о которых повествует надпись Русы в урартской крепости в Маз-

герде, на западной окраине Ванского царства, охраняющей владения урартов по Евфрату.

Автор вносит максимальную ясность в темный период конца Ванского царства (стр. 135 сл.). Он подробно останавливается на вопросе о дате гибели Урарту, как государства. Путем искусного использования свидетельств Библии, вавилонских текстов и греческих историков он приходит к выводу, что наиболее вероятным является предположение об окончательной гибели Ванского царства в начале VI в. В конце главы автор приводит свидетельства, сохранившиеся в персидских царских надписях и в вавилонских клинописных табличках.

Единственное пожелание к этой главе сводится к тому, чтобы автор указал, что „Мелиду“, упоминаемое вместе с Урашту (Урарту) в вавилонской табличке царствования Дария II (стр. 136), локализуется в Каппадокии.

Второй раздел труда Б. Б. Пиотровского посвящен исчерпывающему исследованию всего того, что мы знаем о материальной и духовной культуре Урарту. Главы этого раздела написаны прекрасным специалистом в этой области, и у меня нет по отношению ко всему разделу в целом почти никаких замечаний.

Единственное мое существенное замечание связано с последней главой раздела „Религия“. Здесь я должен выразить лишь сожаление, что автор совсем не учитывает возможность второго чтения клинописного написания имени супруги главного бога Халда. Автор дает лишь одно чтение, а именно „Багбарту“, но возможно и иное чтение, поскольку знак А имеет двойной фонетический эквивалент — „бар“ и „маш“. Поэтому некоторые исследователи предлагают читать „Багмашгу“ и видят в этом имени богини „Бага/ Машда“ имя божества, которое может быть сопоставлено с именем богини „Асара-Мазаш“, упоминаемой в одном из ассирийских текстов, и именем великого бога „Ахура-Мазда“ надписей Ахеменидов. Во всяком случае, я полагаю, что эти возможности, интересные для истории религии, должны быть учтены.

Во всем другом изучение автором проблем духовной и материальной культуры Урарту может вызвать лишь чувство величайшей благодарности. Впервые в истории науки дано столь исчерпывающее исследование всего наследия урартской культуры. При этом необходимо отметить, что материал, который лег в основу этого раздела диссертации, в некоторой своей части должным образом интерпретирован самим автором.

Одновременно с установлением в Закавказье железной культуры и в Закавказье, и в Урарту, и в Малой Азии имели место крупные этнические перегруппировки в лице движения киммерийских и скифских племен. Большое значение, которое имели для истории Передней Азии скифы и киммерийцы, выявляет автор в главе „Скифы в Передней Азии“.

Автор останавливается в связи с этим на том интересном факте,

что при раскопках многих городов Передней Азии в слоях VII в. были найдены бронзовые наконечники стрел, весьма близкие скифским. Из этого он делает вывод, что появление этих стрел стоит в связи с проникновением скифов и киммерийцев в VII в. в Переднюю Азию. По мнению автора, нахождение подобных же стрел в раскопанной им крепости на Кармир-блуре свидетельствует о том, что и эта урартская крепость была разрушена кочевыми племенами, вторгнувшимися в пределы урартского Закавказья с севера (стр. 118).

Я полагаю, что необходимо при решении этого очень важного вопроса об определении врага, бравшего в конце VII в. и начале VI в. города Передней Азии и Урарту, учесть еще одну возможность, на которую намекает и сам автор. Он указывает на то, что некоторые археологи бронзовые наконечники стрел этого „скифского“ типа относят также к мидянам, которые в древнем мире наряду со скифами славились как искусные стрелки из лука. Большое количество наконечников стрел именно этого типа было собрано археологами на месте древних сражений, в которых участвовали мидяне* (стр. 303). Это предположение приобретает еще большую степень вероятности, если вспомним сообщение Геродота о том, что Киаксар, разгромивший Ассирийскую державу, поручил скифам обучение мидийских мальчиков скифскому языку и стрельбе из лука (Гер I, 73). Между мидийскими и персидскими племенами с одной стороны, и скифскими и киммерийскими племенами с другой стороны, была какая-то связь. Вспомним, что первый персидский царь „Теисп“ — „Теушба“ назван в анналах Асархаддона киммерийцем, а первый мидийский царь Дейока назван в анналах Саргона II манеем.

Глава „Скифы в Передней Азии“ заслуживает самой высокой оценки. Автор, будучи верным учеником Н. Я. Марра, следует его указанию о том, что скифская проблема не может быть разрешена без привлечения кавказских материалов. Поэтому он подчеркивает „связанность ранне-скифского общества с Кавказом и Закавказьем, связанность, подкрепляемую стадильной близостью общества Кавказа VIII—VI вв. до н. э. и скифского в степях юго-восточной Европы (стр. 307). И в этой главе, как и в других разделах своего труда, автор использует наряду с богатым археологическим материалом и материал лингвистический, опираясь на метод нового учения о языке.

Главу „Урарты после падения Ванского царства“ автор в основном посвящает опровержению некоторых положений и теорий Леманн-Гаупта, господствовавших в течение нескольких десятилетий и в зарубежной и в нашей, русской и советской литературе. Названный крупный исследователь полагал, что урарты под давлением арменов отступили на север, причем часть их, ушедшая в горы, сохранилась под именем „халдаев“ (*χάλδαιοι*). По мнению Леманн-Гаупта, урарты называли себя „халдами“, и тем самым он подкреплял свое отождествление урартов с „халдаями“ античных и средневековых авторов. Из положений Леманн-Гаупта делался в русской и советской

литературе иной раз весьма чреватый вывод, что потомками урартов не являлись армяне, а один из других народов Закавказья.

Путем вдумчивого исследования свидетельств урартских текстов, греческих историков и географов, персидских надписей, вавилонских таблечек эпохи Ахеменидов, с привлечением разъяснения этнического термина *халда:а:* греческих авторов, данного Н. Я. Марром, автор с полной убедительностью доказывает неправильность отождествления урартов с „халдаями“ и ошибочность утверждения, что урарту называли себя „халдами“. Опровергнув указанные положения Леманн-Гаунта, автор может доказать огромную роль урартов в этногенезе не одного из народов Закавказья, а всего Закавказья в целом. Он подчеркивает, в противоположность бездоказательным утверждениям о миграции урартов после катастрофы в начале VI в., что после падения Ванского царства урарты никуда не уходили. Далее он указывает, что урарты не являлись прямыми предками какого-либо из закавказских народов. Они влились в армянский народ, но также отчасти и в другие народы Закавказья. Самым же основным наследием урартского народа является созданная им культура, а наследниками культуры Урарту следует считать все народы Закавказья.

Этот конечный вывод книги Б. Б. Пиотровского выявляет во весь рост актуальность этого труда в наши дни, когда дружба народов нашей великой родины является залогом нашей сокрушающей победы на поле битвы и явится залогом нашего благополучия и счастья в близкие уже дни мирного труда.

Я пришел к концу моего отзыва о диссертации „История и культура Урарту“, представленной в Армянский филиал Академии Наук СССР на соискание степени доктора исторических наук. На основании всего вышесказанного может быть сделан лишь один вывод: автор этого актуального исследования, образцового и с методологической, и с методической, и с фактической стороны, заслуживает с полным правом присуждения ему высшей научной степени, которой может быть удостоен ученый нашей страны — докторской степени.

Я считаю своим долгом завершить мое суждение о труде доктора исторических наук Бориса Борисовича Пиотровского, подчеркнув, что этот актуальный труд, являющийся глубоким исследованием, покоящимся на источниках, которые были в значительной своей части извлечены самим автором из архива земли, свидетельствует о высоком уровне нашей Советской науки и о мощи творчества советского ученого, которую не могли сломить лишения и невзгоды в блокированном Ленинграде.